

ТАТЬЯНА БУЛГАКОВА

НОЧНОЙ ТРАКТ

ПРАВО ГОСТЯ

Татьяна Булгакова

Ночной тракт. Право гостя

«Автор»

2026

Булгакова Т.

Ночной тракт. Право гостя / Т. Булгакова — «Автор», 2026

Воронцов постоялый двор снова открыт для обычных гостей. Поздно вечером один из постояльцев звонит Еве с хорошо знакомой дороги и говорит, что не понимает, где оказался. Связь обрывается. А ровно в 00:13 он стучит в дверь — замёрзший и уверенный, что ехал всего несколько минут. Гостевая книга принимает его по правилам Ночного тракта. А вскоре другой гость исчезает прямо из коридора. Его машина остаётся у дома, вещи — в комнате, а след ведёт туда, куда живой человек попасть не должен. Теперь Ночной тракт приходит не только за мёртвыми. Чтобы вернуть своих гостей, Еве придётся самой выйти на дорогу, которой нет на картах, и впервые решить, что на самом деле означает быть Хозяйкой этого дома. Северин рядом. Мать Евы вернулась после двадцати лет отсутствия. А отец, которого она считала погибшим, просит всего об одном: открыть ему парадную дверь и принять как гостя. Дом может не впустить человека. Но если уже впустил — обязан ли он отпустить?

© Булгакова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Калитка	5
Глава 2. Бывшая Хозяйка	9
Глава 3. Правильная сторона	14
Глава 4. Четыре заезда	21
Глава 5. После заката	28
Глава 6. Живая запись	35
Глава 7. До рассвета	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Татьяна Булгакова

Ночной тракт. Право гостя

Глава 1. Калитка

Женщина за калиткой закрыла глаза. На секунду, не больше, но я успела увидеть, как дрогнули её пальцы на ручке дорожной сумки.

— Здравствуй, Ева.

Хорошо хоть не «Евочка». За последний месяц я слышала мамин голос из-за задней двери, со второго этажа и там, где никакой матери быть не могло. Он звал меня ласково, просил открыть, обещал сказать, где она. Поэтому одного знакомого голоса теперь было недостаточно.

На часах было 20:12. Первое ноября. До полуночи далеко. Женщина пришла со стороны дороги и нажала кнопку звонка. Я опустила взгляд на экран телефона: камера у ворот показывала за её спиной мокрый асфальт и свет фонаря; тумана не было. Мама стояла у калитки и даже не касалась её.

— Ты меня узнала? — спросила она.

Вопрос был почти нелепым. Я помнила её тридцатишестилетней. Передо мной стояла та же женщина двадцать лет спустя: серебро в волосах, морщинки у глаз, чуть более резкая линия скул. И всё же я узнала её сразу — по взгляду, голосу, тому, как она держала голову.

— Да.

Она кивнула, будто другого ответа и не ожидала. Я всё ещё держала ладонь на засове и не открывала.

— Правильно, — сказала мама, посмотрев на мою руку. — Не открывай сразу, если не уверена.

Разозлило меня не предупреждение, а знакомая интонация человека, который уже решил, как мне следует поступить.

— Ты двадцать лет отсутствовала, а первым делом решила проверить, умею ли я пользоваться калиткой?

— Нет. Я рада, что ты осторожна. Это другое.

— Меня много чему научили за последний месяц.

Она посмотрела на дом. Тёплая вывеска над дорожкой горела всего второй вечер, за окнами первого этажа был свет.

— Вижу. Ты его оставила себе.

— Я открываю постоянный двор завтра. Четыре заезда, восемь взрослых и одна маленькая собака.

Мама моргнула. Первый раз за весь разговор мне удалось её удивить.

— Собака здесь при чём?

— Для Прохора, подозреваю, будет при всём.

На лице у неё мелькнула улыбка.

— Он здесь?

— Здесь. И если ты хочешь спросить, изменился ли он, то нет. Всё такой же невыносимый.

Теперь она улыбнулась по-настоящему.

— Значит, не изменился.

У меня сжалось горло. Я столько недель вытаскивала свою семью по кускам из чужих рассказов, старых папок и надписей на полях, что простой факт — мама знает Прохора и пом-

нит его таким же — вдруг оказался слишком личным. Я заставила себя вернуться к тому, ради чего всё ещё держала калитку закрытой.

— Почему сегодня?

Улыбка исчезла.

— Я отвечу. Сейчас, не когда-нибудь потом. На всё, что могу сказать точно.

После двадцати лет вопросов было столько, что первый пришлось выбирать почти наугад.

— Ты жива?

Мама медленно выдохнула.

— Да. Сердце бьётся, я ем, сплю, мёрзну, устаю. Если ты об этом — жива.

Только теперь я заметила покрасневшие от холода кончики пальцев.

— И стареешь.

— Как видишь.

— Северин — нет.

— Нет.

Я перевела взгляд на тёмное стекло веранды. В нём отражалась вывеска: «ВОРОНЦОВ ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР». Ещё месяц назад эти слова означали недвижимость, которую нужно оценить и продать. Теперь внутри лежали карточки завтрашних заселений и четыре комплекта ключей. А за калиткой стояла женщина, о чьём исчезновении я последний месяц спрашивала всех, кто ещё мог ответить.

— Где ты была?

— Мы с мамой называли это внешней стороной печати. Не как адрес, — добавила она раньше, чем я успела возразить. — На Тракте и рядом с ним есть участки, которые не относятся полностью ни к вашей стороне, ни к самой дороге. На одном из них я провела большую часть времени.

— Двадцать лет?

— Да.

Я ждала. Марина выдержала мой взгляд.

— Я расскажу сегодня всё, что знаю точно, — сказала она. — Но либо мы несколько часов простоим у калитки, либо ты решишь, можно ли мне пройти дальше.

— Ты всегда так разговаривала? Будто заранее знаешь, где собеседник начнёт спорить.

Мама чуть подняла бровь.

— Твоя бабушка считала это недостатком.

— Теперь верю, что вы родственницы.

Мы обе коротко рассмеялись. Смех закончился почти одновременно, и я снова посмотрела на засов. Обычная металлическая калитка, холодный рычаг под ладонью, никакой цепи и никакого правила. За решёткой стояла моя мать. Я могла открыть. Рука всё равно не двигалась.

— Ты знала, что я вернулась в дом?

— Да, но не в первый день. До меня доходят не новости, а изменения. Дом снова выбрал Хозяйку, потом появилась связь с Хранителем, позже она пропала.

— Приостановилась.

— Хорошо. Приостановилась. Я не чувствовала вас так, как вы двое чувствуете друг друга. Печать была связана с домом, поэтому серьёзные изменения я чувствовала как натяжение верёвки: не видишь, кто держит другой конец, но сразу понимаешь, когда оно меняется.

— И восстановление связи почувствовала. И вчерашнее.

— Да. Но дальний конец я отпустила только сегодня, после полуночи. Впервые за двадцать лет.

Я вспомнила 00:13, стену комнаты восемь и новую привязку Андрея. Потом — свои слова дому и то, как проход схлопнулся, а старая печать вернулась на место.

— Поэтому ты смогла прийти сегодня, не открывая Андрею дорогу следом.

Я вспомнила его последнюю фразу перед тем, как дверь схлопнулась: «Первого ноября будет поздно». Тогда это прозвучало угрозой. Теперь у неё хотя бы появился возможный смысл.

— Да. Где он сейчас, не знаю. Знаю участок Тракта, которым он пользуется. И вчера почувствовала, как он пытался войти через восьмую. Я держала старое закрытие с моей стороны; если бы оно сорвалось полностью, думаю, новая привязка удержалась бы.

Я сильнее сжала холодный металл засова.

— А вернуться ты не могла?

Марина посмотрела на меня.

— Могла попытаться.

Я убрала руку с засова.

— Значит, могла.

— Да.

— Северин говорил, что не могла.

— Северин мог так считать. Он знал, что мой переход ослабит внешнюю опору. Не знал, насколько и что может пойти следом.

Мама поставила сумку на землю. На ладони осталась красная полоса от ручки.

— Один шанс был. Возможно, два. Я не знала, получится ли пройти и снова закрыть за собой, не знала, пойдёт ли Андрей следом и кого ещё я приведу к дому, если ошибусь. Я решила не рисковать.

Мне было тринадцать. Потом восемнадцать. Потом двадцать пять, тридцать, тридцать три. Все эти годы она где-то существовала и хотя бы однажды могла попытаться. Я понимала её доводы и всё равно считала годы; от понимания их не становилось меньше.

— Я пока не знаю, что с этим делать.

— Сегодня всё равно не решишь.

— Уже лучше.

— Я стараюсь.

После ответа она чуть поджала нижнюю губу. Я заметила жест и только потом поняла, что видела его сотни раз в детстве.

— Бабушка знала, что ты можешь вернуться?

— Знала. Мы спорили об этом много раз. Она хотела найти способ вернуть меня сама, я запрещала ей лезть наружу через печать. Обычно на этом разговор становился громким.

— Хоть что-то в нашей семье происходило предсказуемо.

Мама усмехнулась.

— Ты очень похожа на неё, когда злишься.

— Никогда больше так не говори.

Марина коротко поджала губы. — Постараюсь.

Я снова положила ладонь на засов. Теперь металл был просто холодным.

— Почему ты второй раз ушла после того, как увидела меня в 2006-м?

Марина замерла.

— Потому что Андрей уже нашёл внутренний путь, а старая печать держалась хуже, чем мы думали. Я считала: останусь — он будет искать выход через тебя. Уйду — пойдёт за мной.

— Значит, он пошёл за тобой. А я осталась без матери.

Мама выдержала мой взгляд.

— Да. Тогда я считала это правильным решением.

Я ждала оправдания. Его не было.

— Тогда мне казалось, что я выбрала меньшую беду. А то, что платить за неё будешь ты, я себе нормально не сказала.

Я отодвинула засов. Щелчок прозвучал неожиданно громко. Марина не двинулась. Я открыла калитку примерно наполовину, и между нами впервые не осталось металлической решётки. Без неё мама оказалась ниже, чем я помнила. Хотя, скорее, это я в тринадцать лет была меньше. Она подняла руку, но остановилась, не коснувшись меня.

— Можно?

Я знала, о чём она спрашивает. Хотелось сказать да. Ещё сильнее хотелось отступить.

— Не сейчас.

Марина убрала руку. — Ладно.

Через секунду я взяла её сумку.

— Я сама, — сказала мама.

— Я вижу.

— Тогда зачем?

— Потому что у меня гостевой дом, а ты стоишь у калитки с багажом.

Она посмотрела на меня так, будто не была уверена, можно ли смеяться.

— Это уже профессиональное?

— Завтра выясним.

Я закрыла калитку за ней. Щёлкнул засов; свет в доме горел как раньше, дорожка оставалась дорожкой. Марина стояла внутри двора и рассматривала вывеску, новые фонари, отремонтированное крыльцо и камеру у ворот. Потом её взгляд ушёл к западной стороне.

— Ты многое изменила.

— Не всё.

— Вижу. Водосток всё-таки поменяли.

Я остановилась. Северин рассказывал, что накануне исчезновения они с мамой спорили о крыше. Она хотела менять покрытие весной, он утверждал, что старое ещё год выдержит.

— Ты серьёзно сейчас про водосток?

— Я двадцать лет хотела узнать, кто в итоге оказался прав.

— И?

— Я.

Я не выдержала и рассмеялась. Марина тоже. Двадцать лет никуда не исчезли. Я не простила её и понятия не имела, что будет через час. Но смеялась она всё так же. Мы дошли до крыльца. Я поставила сумку на верхнюю ступеньку и открыла парадную дверь. Из холла пахло теплом, деревом и супом, который я собиралась доесть одна.

Марина остановилась перед порогом. Я уже успела сделать шаг внутрь и только потом заметила, что она не идёт следом.

— Что?

Она сначала посмотрела на порог, потом на меня.

— Я больше не Хозяйка этого дома. И хочу, чтобы дом понял это правильно. Ева, можно мне войти?

В глубине холла тихо скрипнула половица. Возможно, от тепла. Я отступила в сторону.

— Заходи.

Марина Сергеевна Воронцова переступила порог старого дома как гость.

Глава 2. Бывшая Хозяйка

Мама вошла в холл и остановилась сразу за порогом. Последний раз она видела этот дом той ночью — с кровью на лестнице и дорогой, которой нет на картах.

Сначала она посмотрела на стойку. Потом на лестницу, на новые светильники, на дверь веранды. Взгляд задержался на стене второго этажа, хотя отсюда комнату восемь увидеть было невозможно.

— Кухню ты тоже переделала? — спросила она.

— Частично.

— А печь оставила?

— Она работает.

— Хорошо.

Вот и весь комментарий бывшей Хозяйки о ремонте, стоимость которого мне до сих пор хотелось произносить шёпотом. На стойке за моей спиной сама собой приподнялась тяжёлая обложка гостевой книги. Я услышала знакомый шелест и обернулась. Страницы быстро перевернулись назад — не к последней записи и не к чистому развороту, куда дом обычно вписывал ночного постояльца. Бумага шуршала несколько секунд, будто книга что-то искала, потом остановилась примерно посередине. Чернила не появились. Ещё через мгновение обложка закрылась.

Марина следила за ней спокойно.

— Узнал, — сказала она.

— Это сейчас было хорошо или плохо?

— Само по себе — никак. Если бы дом всё ещё считал меня Хозяйкой, книга не закрылась бы без моего решения.

— Наконец-то полезная подробность. А я уже решила, что вы с Северином вместе учились отвечать так, чтобы слова были, а ответа — нет.

Мама едва улыбнулась и тут же спрятала улыбку. Я перевела взгляд на тёмную обложку.

— Значит, дом тебя помнит, но распоряжаться здесь больше не даёт.

— Похоже на то.

— Отлично. Хоть с правом собственности у нас порядок.

Сверху тихо фыркнули. Я подняла голову.

Проход стоял на четвёртой ступени, босой, в серой рубаше и с красным карандашом за ухом. Обычно он появлялся так, будто уже несколько минут присутствовал при разговоре и недоволен качеством услышанного. Сейчас не сказал ничего. Марина тоже молчала.

Двадцать лет для неё прошли на лице и в волосах. Для Прохора — никак. Те же седые вихры, то же маленькое сердитое лицо, ростом мне примерно до колена.

— Здравствуй, Проход, — сказала мама.

Он спустился ещё на одну ступень.

— Не здравствуй. Где была?

— Снаружи.

Проход сердито дёрнул карандаш из-за уха.

— Это я и без тебя знаю.

Улыбка с лица Марины ушла.

— Тогда нужен длинный ответ. Я расскажу.

Он посмотрел на неё снизу вверх. Потом на дорожную сумку возле двери.

— Анастасия не дождалась.

— Знаю.

Прохор отвернулся так резко, будто именно в этот момент очень заинтересовался новой краской на перилах.

— Плохо знаешь, — буркнул он.

Я не вмешивалась. Марина тоже молчала. Прохор первым нарушил паузу.

— Она где спать будет?

— Пока нигде. Мы разговариваем.

— Начнёте сейчас, закончите ночью, — сообщил Прохор. — Потом скажете, что я не предупреждал.

Мама всё-таки усмехнулась.

— Он действительно не изменился.

— Я слышу.

— На это и расчёт, — сказал Прохор и исчез за перилами.

Я сняла пальто и повесила рядом с маминым. Дальше стало сложнее: инструкции на случай возвращения матери через двадцать лет бабушка мне не оставила.

— Пойдём на кухню, — сказала я. — Там хотя бы есть суп.

— Ты готовишь?

— Иногда даже съедобно.

— Это от меня.

— Не спеши присваивать достижения. Двадцать лет практики прошли без твоего участия.

Марина остановилась на полшага.

— Да, — сказала она. — Были.

Мы пошли дальше.

На кухне мама миновала стол и плиту и первым делом подошла к окну. Проверила пальцем старую защёлку на раме, потом провела ладонью по подоконнику.

— Ты искала здесь что-то? — спросила я.

— Нет. В две тысячи шестом эта защёлка не держалась. Северин обещал заменить.

— Заменял.

— Через двадцать лет?

— Не знаю. Могу завтра уточнить.

— Не надо. Я уже вижу, что хотя бы одно обещание он выполнил.

Я достала кастрюлю из холодильника. Мама тем временем открыла шкаф над мойкой, увидела кружку с тёмно-зелёной полосой и на секунду замерла. Потом взяла её. Я остановилась с кастрюлей в руках.

— Что? — спросила мама.

— Я тоже всегда беру эту кружку.

Марина посмотрела на тёмно-зелёную полоску, провела большим пальцем по сколу возле дна.

— Она была моей.

— Тогда понятно, почему ручка неудобная.

— Мне нравилась.

— Мне тоже.

Я отвернулась к плите и занялась супом чуть внимательнее, чем требовалось. Поставила кастрюлю разогреваться и достала вторую кружку. Чайник щёлкнул. За окном по стеклу прошёл мелкий дождь, тот самый, который был виден на камере за маминым плечом.

Телефон лежал на столе. Я открыла переписку с Северином. «Марина здесь. Жива. Я впустила её в дом. Сейчас разговариваем. Завтра приезжайте утром, не к восемнадцати. Через парадную дверь». Перечитала последнюю фразу и оставила. Ответ пришёл почти сразу.

«Понял. Во сколько?»

«09:30».

«Буду».

Больше ничего. Я положила телефон экраном вниз. Марина налила себе чай и кивнула на телефон.

— Северин?

— Да. Приедет завтра утром.

Лицо у неё осталось спокойным, но пальцы на кружке сжались чуть сильнее.

— Вы не виделись с две тысячи шестого?

— Нет.

— Тогда завтра у меня будет очень насыщенное утро.

— У тебя вообще неплохо получается выбирать время.

Я поставила перед ней тарелку.

— Ешь. Потом расскажешь, почему первое ноября вдруг стало безопаснее предыдущих семи тысяч с лишним дней.

— Безопаснее не стало, — сказала мама. — Просто теперь я могла пройти.

— Уже звучит хуже.

— Потому что так и есть.

Она попробовала суп, прожевала первую ложку и только потом сказала:

— Вкусно. Соли, правда, мало.

— Всё. Дальше ешь молча.

Она рассмеялась. Я тоже, хотя не собиралась. Потом мы всё-таки начали говорить нормально.

— В две тысячи шестом я закрыла внутренний путь с дальней стороны, — сказала Марина. — Не комнату и не кирпичную стену. Само место, где дорога могла стать дверью. С нашей стороны дом удерживала Анастасия, с Тракта — я. Северин держал Порог, но не мог решить за Хозяйку, где в её доме заканчивается путь.

После смерти бабушки старая защита дома должна была продержаться сорок дней. Ты успела принять дом раньше, чем этот срок закончился, но одного принятия было мало: новая Хозяйка должна была сама обозначить границу.

— Тридцать первого я сказала, что комната восемь остаётся комнатой восемь. Коридор не является её входом. Новую дверь я не принимаю.

Марина поставила кружку на стол.

— Вот. Ты не просто сорвала привязку Андрея. Дом впервые за двадцать лет получил границу от действующей Хозяйки. Но до конца сорокового дня я всё равно держала свою сторону. Когда после полуночи дом остался стоять уже на твоей границе, я смогла отпустить дальний конец.

— То есть я тебя освободила случайно.

— Ты закрывала чужую дверь. Просто одновременно освободила меня.

Мне это нравилось больше, чем версия, в которой я случайно выполняла чей-то план по спасению матери, которую ещё даже не видела.

— Почему тогда ты пришла только вечером?

— Потому что освободить опору и оказаться у калитки — не одно действие. Я должна была убедиться, что закрытие держится без меня, потом выйти с участка внешнего пути к обычной дороге. Оттуда уже добралась сюда нормально.

— Насколько нормально?

— Последние сорок километров — местным автобусом.

Я устала на неё.

— Ты двадцать лет прожила на Ночном тракте и вернулась ко мне обычным автобусом?

— С пересадкой. Последний ещё и опоздал на двадцать семь минут.

Я прикрыла лицо ладонью.

— Вот теперь верю. Автобус, опоздавший на двадцать семь минут, звучит совершенно нормально.

Марина улыбнулась и допила чай. Я опустила руки.

— Если теперь печать держится без тебя, Андрей тоже это почувствует.

— Скорее всего, уже почувствовал. Заккрытие стало устойчивее, но Андрей никуда не исчез. И интерес к восьмой тоже.

Я вспомнила его требование вернуть имя.

— Значит, восьмая для него не только дорога к книге.

— Именно. Пока внутренний путь можно привязать к дому, он может пытаться требовать имя по правилам Тракта, обходя обычный доступ к книге. Поэтому в 2006-м я и держала дальний конец закрытым. Это факт. Остальное пока версии.

Для завтрашнего дня этого было достаточно.

Марина кивнула. На кухню снова выглянул Прохор. На этот раз с печеньем в руках. Уселся на край подоконника и явно не собирался уходить.

— Я здесь живу, — сообщил он прежде, чем я успела что-нибудь сказать.

Мама заметила печенье у него в руках.

— Ты всё ещё таскаешь сладкое после ужина?

— А ты всё ещё лезешь не в своё дело?

— Значит, да.

Прохор откусил печенье и удовлетворённо замолчал. Я встала, чтобы убрать кастрюлю, и взгляд зацепился за планшет у стены. На нём висели четыре карточки завтрашних заездов. Имя, время, номер комнаты, остаток оплаты, отдельная строка про миску для Арчи.

Марина подошла к планшету с карточками заездов.

— Четыре заезда. И все остаются на ночь.

— Для постоянного двора это обычно считается успехом.

Она не улыбнулась.

— Для двора, который двадцать лет жил только со своей ночной стороной, это ещё и изменение режима.

Я сразу вспомнила очевидное возражение: сама Марина уже вошла сюда живой.

— Меня ты впустила к себе, — сказала она раньше, чем я успела спросить. — Не приняла с дороги как постояльца. Я не получила комнату от Хозяйки и не стала человеком, за которого двор отвечает до утра. Для дома это разные вещи. К тому же он меня помнит.

Она перевела взгляд с карточек на западный коридор.

— Меня беспокоит восьмая.

— Физически она закрыта. Новую привязку я отменила, щит не трогаю.

— Я не про стену.

Прохор перестал жевать.

Марина напонила, как работал старый двор: обычная дорога и та, что приходит после полуночи, не должны были идти через одни и те же комнаты. Восьмая была не просто помещением с проходом, а промежуточной точкой, где живого, сбившегося не туда, можно было вернуть, не проводя Тркт через жилой коридор.

Это она знала от Анастасии и по собственному опыту 2006 года.

— То есть что-то вроде шлюза.

— Грубо — да. Комнату вывели из обычной работы задолго до твоего рождения, потом вообще спрятали с планов. Я считала, что функция умерла вместе с ней.

Теперь дом снова принимал живых: не сайт и не ИП, а людей, которым Хозяйка давала комнату и кров до утра. После полуночи при этом продолжал работать другой поток.

Я провела пальцем по четырём карточкам.

— А помещение, которое раньше разводило эти потоки, закрыто.

— Да.

Прохор медленно положил печенье.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже. Но открытие не отменяю.

Марина и не предлагала отменять.

До первого заезда она хотела только проверить восьмую с обычной стороны, ничего не вскрывая, и сверить всё с Северином до появления гостей.

— Северин будет в половине десятого. Аглая — к девяти.

Марина замерла на секунду.

— Аглая тоже будет?

— Да.

— Понятно.

Её «понятно» я оставила до завтра. Сняла с планшета карточку первой брони: заезд в 14:00, двое взрослых, комната три, парковка. Обычные люди, которые заплатили за обычную ночь в старом доме. До их приезда оставалось меньше восемнадцати часов.

— В восемь тридцать идём к восьмой, — сказала я. — В девять приезжает Аглая. В половине десятого Северин. До обеда решаем, есть ли реальная причина что-то менять. Если нет — я открываюсь по плану.

— До обеда, — повторила Марина.

— И ещё. Если завтра что-то пойдёт не так, советуйте сколько угодно. Но этих людей впускаю я. Если оставляю брони, за то, что случится с гостями в доме, отвечаю тоже я.

С подоконника возмущённо донеслось:

— Я такого не говорил.

— Пока.

Марина посмотрела на меня долго, но без обиды.

— Советовать буду. Не обещаю молчать.

Я вернула карточку на планшет. За стеной тихо работал холодильник, на стойке в холле лежала закрытая гостевая книга, а наверху за белым щитом оставалась комната, которую завтра мы не собирались открывать. Впервые за вечер главным стало не то, что в дом вернулось прошлое. Завтра сюда должны были приехать люди, которые никакого отношения к нему не имели, и за них теперь отвечала я.

Глава 3. Правильная сторона

Утром открытия я поняла, что обычные постояльцы нервируют меня сильнее мёртвых. Ночью я спала часа четыре. Ещё примерно час лежала и прислушивалась к дому, хотя после полуночи никто не стучал, белый щит на втором этаже не трещал, а мама за дверью шестой комнаты никуда не исчезла. Под утро я пошла за водой, увидела её мокрые ботинки у двери шестой комнаты и наконец вернулась в постель.

К семи Марина уже сидела на кухне в моей старой толстовке и читала распечатку с правилами заселения.

— Где взяла? — спросила я.

— На стойке.

— Это для гостей.

— Поэтому и читаю.

Я поставила чайник.

— Найдёшь ошибку — скажи. Только сначала спроси, прежде чем что-то менять.

— Тогда скажу и руки уберу.

Она перевернула страницу.

— Здесь написано, что после двадцати трёх вход только по предварительному согласованию.

— Пока да.

— Я бы на первые несколько дней сделала раньше.

— Насколько?

— До девяти вечера.

Я достала кофе и села напротив. Марина подвинула ко мне сахарницу.

— Две ложки?

— Без сахара. Лет пятнадцать.

Она задержала руку на секунду и убрала сахарницу.

— Ясно.

В тринадцать лет я действительно клала две. Она просто не могла знать, что кофе я давно пью без сахара. Мелочь задела сильнее, чем должна была: передо мной сидела мама, которая помнила ребёнка и почти ничего не знала о взрослой мне. Мне стало её жалко — и тут же захотелось, чтобы она сама поняла почему.

— Почему именно девять?

— Ни по какой особой причине. После темноты риск выше, а совсем запрещать людям вечерние заезды бессмысленно. Девять — не магическое число.

— Сегодня последний заезд заявлен на восемь тридцать. Если опоздают, попрошу позвонить с основной дороги и не сворачивать по навигатору на незнакомые съезды.

— Нормально.

Я открыла ноутбук и поправила шаблон сообщения. Формулировка «не сворачивайте на незнакомые съезды после темноты» выглядела как обычная забота владельца загородной гостиницы, особенно если не уточнять, что некоторые съезды умеют появляться сами. Следом добавила: «Если задерживаетесь больше чем на тридцать минут, пожалуйста, напишите нам, прежде чем ехать дальше».

— «Нам»? — спросила мама.

— Звучит солиднее, чем «мне и домовому».

Из коридора донёсся голос Прохора:

— Я в ваши сообщения не нанимался.

— Тогда «мне».

— Так лучше.

Марина спрятала улыбку в кружке.

Через полчаса я отправила сообщение всем четырём сегодняшним бронированиям. Трое ответили почти сразу. Лебедев, который вчера подтвердил заезд, пока молчал. Около половины девятого мы поднялись к комнате восемь.

Белый съёмный щит стоял на месте. Я проверила старые сколы у мест, где Андрей сверлил стену, сравнила температуру со штукатуркой рядом, сделала четыре фотографии и наклеила на нижний край два бумажных индикатора: любое смещение порвёт хотя бы один. Бумага и камера внушали мне больше доверия, чем любой обряд.

На старой штукатурке оставались бабушкины карандашные отметки. Марина попросила весной не отмывать их все: Анастасия иногда подписывала важное так, будто это ремонт.

— Вот это потом покажешь отдельно. Не сегодня утром.

Марина кивнула, потом посмотрела на стену рядом со щитом.

— Можно приложить ладонь?

— Можно.

Она коснулась штукатурки сантиметрах в тридцати от панели и закрыла глаза. Через несколько секунд убрала руку.

— Почти ничего. Похоже, ты действительно отрезала коридор от выхода. Раньше здесь тянуло даже через стену.

— Мне нравится «похоже» больше, чем уверенность без доказательств.

— Мне тоже.

Мы спустились вниз. За несколько минут до девяти я услышала машину во дворе. Аглая приехала с двумя пакетами, как человек, для которого опоздание начиналось ещё до назначенного времени.

— Я сказала, что продукты есть.

— Продукты у тебя есть до первого завтрака, — ответила Аглая. — Потом восемь взрослых людей внезапно захотят есть одновременно, и ты удивишься.

— Завтраки у меня пока только по запросу.

— Гости запомнят время, а слово «пока» пропустят.

Она протянула мне один пакет и сама вошла с другим. В холле остановилась. Марина стояла у стойки и убирала мои распечатки на место. Обе замолчали. Я успела пожалеть, что стою между ними.

— Здравствуй, — первой сказала Марина.

Аглая поставила пакет на пол.

— Ты всё-таки вернулась.

— Да.

— Анастасия не дождалась.

— Знаю.

Та же фраза, которую вчера сказал Прохор, только у Аглаи она прозвучала тяжелее. Марина выдержала её взгляд. Аглая посмотрела на меня.

— Ночевала здесь?

— Да, — ответила я.

— Дом не возражал?

— Дом теперь сначала спрашивает меня. По крайней мере я на это рассчитываю.

Аглая едва заметно усмехнулась.

— Правильно рассчитываешь.

Она снова взяла пакет с пола и сунула Марине второй.

— Держи.

Мама автоматически приняла.

— Что там?

— Полотенца. Раз уж руки свободны.

Марина коротко рассмеялась.

— Здравствуй, Аглая.

— Я уже слышала.

И пошла на кухню. Я осталась в холле с мамой.

— Могло быть хуже, — сказала я.

— Намного, — ответила Марина.

Из кухни донеслось:

— Я тоже слышу.

Удивительно, как быстро дом снова стал тесным. До половины десятого мы занимались обычной подготовкой: Аглая проверяла кухню, Марина раскладывала полотенца, я печатала памятки и ещё раз проходила по бронированиям. Марина один раз переставила запасные полотенца по-своему. Я молча вернула стопку на прежнее место. Она заметила, нахмурилась, но второй раз трогать не стала. А когда сложила одно привычным двойным сгибом, я наконец поняла, откуда у бабушки была та же привычка. Больше семейной археологии этим утром я себе не позволила.

Идеальный сгиб полотенца был сейчас наименее важной частью происходящего. К половине десятого камера у ворот показала машину Северина. Он вышел, закрыл дверь и, как договаривались, пошёл к парадному входу — через обычную дорожку, а не тем путём, которым мог бы пройти Хранитель. Позвонил.

Я открыла.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Спала?

— Частично.

— Это считается?

— Сегодня да.

Только после этого его взгляд ушёл мне за плечо. Марина стояла в холле возле лестницы. Аглая осталась на кухне. Прохор, судя по подозрительной тишине, находился где-то очень близко. Северин вошёл после моего жеста.

— Здравствуй, Марина.

— Здравствуй, Северин.

Она смотрела на него прямо.

— У тебя всё то же лицо.

— Да.

— Несправедливо.

— Мне говорили.

Северин задержал взгляд на её волосах, лице, руках, будто сверял живого человека с памятью двадцатилетней давности.

— Ты была там всё это время? — спросил он.

— Почти всё. Первые часы после той ночи — нет. Потом да.

— Я искал.

— Знаю.

Северин нахмурился.

— Откуда?

— Первые годы я иногда видела следы твоих попыток пройти дальше: метки на дороге, однажды кусок серебряной нити, которую ты использовал на развилках. Потом перестала видеть и это.

— Я решил, что иду не туда.

— Ты и шёл не туда. Я сама закрыла правильный путь.

Северин опустил взгляд. Марина посмотрела на его левое плечо — туда, где когда-то осталась снятая с меня метка.

— Метку с Евы тогда успел снять?

— Да.

— Я помню только, что она снова начала дышать. Дальше меня уже не было рядом.

— Метку снял настолько, насколько смог. Остаток остался на мне.

Мама выдохнула.

— За это спасибо.

Северин ответил не сразу.

— Не за что.

— Есть за что. Всё остальное мы ещё разберём.

Марина первой вернулась к делу.

— Ты почувствовал сегодня после полуночи, когда моя опора ушла?

— Да. После полуночи связь внутреннего пути стала ровнее. Я не понял причину, пока Ева не написала, что ты здесь.

— Со стороны Тракта что-нибудь изменилось?

— Давление у старой ступени упало. Других изменений нет.

Я закрыла дверь.

— Тогда все, кто знает больше меня, собираются на веранде и говорят так, чтобы я тоже понимала.

— Я не так много знаю, как тебе кажется, — сказала Марина.

— Уже хороший старт.

Северин снял пальто.

— Я принёс схему старого двора.

Мы разложили рядом старый план западного крыла и современную схему. Марина показала участок, где когда-то находилась восьмая.

— Моя бабушка называла её дорожной. Через неё живого путника можно было вернуть на обычную сторону, не проводя Тракт через жилой коридор.

— Внутренний проход я знал. Само устройство дорожной — нет. Хозяйки не обязаны были объяснять Хранителю всё, что происходило внутри дома.

Марина провела пальцем по старому коридору.

— После пожара сорок седьмого её почти перестали использовать. Обычную дорогу перенесли, движение по тракту закрылось, живых путников стало меньше. Дом постепенно остался в основном с ночными гостями.

Я развернула современный план.

— А сегодня он снова принимает живых.

— Да, — сказал Северин. — Доказательств, что это опасно, у нас нет. Но проверять старую систему сразу на восьми постояльцах без дополнительных правил я бы не стал.

Я открыла ноутбук.

— Тогда правила на первую неделю. Заезд после девяти вечера только после звонка. Если человек задерживается и навигатор предлагает незнакомый съезд, он не сворачивает, а звонит. Парковка только со стороны главных ворот. После заселения я не запираю людей в комнатах и не рассказываю им про мёртвых — обычные взрослые люди могут ходить по дому.

— С задним двором? — спросила Марина.

— После темноты калитку туда закрываю. Для гостей это техническая зона. Там всё равно нечего делать.

— Да.

— И никаких ночных экскурсий по участку, пока не поймём, что происходит с дорогой.

— Это можно сформулировать как правило территории, — сказала Аглая из дверей. — Без страшилок. Старый сад, нет освещения.

— Вы давно там стоите?

— Достаточно, чтобы услышать план.

Она принесла четыре кружки. Пятую не поставила. Прохор материализовался на подоконнике ровно через секунду с видом человека, которого несправедливо исключили из совещания.

— Мне чай не нужен, — сообщил он.

— Никто не предлагал.

— И правильно.

Марина взяла одну кружку. Северин — другую. Чёрное кольцо на его правой руке тихо стукнуло о керамику. Я открыла на ноутбуке бронирования.

— Теперь вопрос, который мне не нравится. Нужно ли предупреждать сегодняшних гостей хоть о чём-то необычном?

— Нет, — одновременно ответили Северин и Марина.

Оба на секунду замолчали.

— Хорошо, — сказала я. — Первый случай, когда вы оба сказали одно и то же.

— Это не считается, — начал Северин.

— Не спорьте хотя бы минуту.

Марина улыбнулась в чай. Северин продолжил уже серьёзно:

— Пока у нас нет события, от которого их нужно защищать отдельной инструкцией. Если сообщить человеку, что после полуночи нельзя идти на знакомый голос, он либо уедет, либо начнёт специально проверять.

— Вторых обычно больше, — сказала Аглая.

— Значит, обычные меры безопасности и наблюдение, — подвела я итог. — Если что-то меняется, решаем по факту.

Я закрыла ноутбук и только тогда заметила, что Марина смотрит не на экран, а на нас с Северином.

Марина перевела взгляд с меня на Северина.

— Вы восстановили связь?

Северин рядом чуть напрягся и промолчал, оставляя ответ мне.

— Да.

Марина перевела взгляд на него.

— После того, что было?

— После того, как я её приостановила, — сказала я. — Потом восстановила сама.

Мама нахмурилась.

— Дом не требовал?

— Нет.

— Порог?

— Тоже нет. Мы специально переписали условия так, чтобы одно от другого не зависело.

Северин добавил:

— Запрет на внутренний проход для меня действует до сих пор.

Марина приподняла брови.

— Ты согласился?

— Ей не требовалось моё согласие.

— Видишь? Иногда умеет слушать.

— Иногда, — согласилась мама.

— Не становись на его сторону.

— Я как раз на твоей.

К одиннадцати мы так и не нашли причины отменить открытие. Восьмая не изменилась, Северин не чувствовал нового давления со стороны Порога, а старые правила позволяли принимать людей без ночных экскурсий и рискованных экспериментов.

Я обновила памятку для гостей. Заодно ещё раз открыла реестр классифицированных средств размещения: статус гостиницы — действующий. По графику ночные дежурства на первую неделю я пока оставила за собой. Потом выставила на стойку терминал и проверила сдачу в кассе, хотя почти все платили картой. Заставила Аглаю показать, где она нашла запасную скатерть, о существовании которой я не знала в собственном доме. Марина ушла наверх переодеться. Прохор отправился следить, чтобы она «не начала хозяйничать». Кто будет следить за ним, осталось неясно.

Северин задержался у входной двери.

— Мне уехать? — спросил он.

Я проверила время.

— До первых гостей ещё почти три часа. По Порогу вы сейчас не нужны.

— Я не про Порог.

— Вы всё ещё приезжаете в шесть? — спросила я.

— Как договаривались?

— Да. Первые заселения я хочу провести сама. Потом можете прийти и посмотреть, как всё не развалилось без вашего участия.

— Жестоко.

— Переживёте.

— Постараюсь.

Он взял пальто, но я остановила его раньше, чем он надел.

— Северин.

— Да?

— Если сегодня дорога изменится, скажите сразу. Даже если я буду занята гостями.

— Да.

Потом я сама подошла и поцеловала его. Северин ответил на поцелуй, положил ладонь мне на талию и дождался, пока я сама отступлю.

— В шесть?

— В восемнадцать ноль одну. Вы сами обещали.

— Хорошо.

— И не раньше.

— Уже сложнее.

— Тренируйтесь.

Он ушёл, а когда я закрыла дверь, с лестницы донёсся голос Марины:

— Я ничего не видела.

Я подняла голову. Она стояла на площадке с феном в руке и явно не знала, надо ли сказать ещё что-то. Я тоже не знала, хочу ли услышать.

— Хорошо.

— У тебя в шестой розетка возле зеркала не работает.

— Вот это уже полезная информация.

Следующие два часа Ночной тракт не сделал ничего интересного. Зато сломался удлинитель, курьер привёз не ту воду, в карточке Арчи пришлось отдельно отметить аллергию на курицу, а Марина нашла распатанный крючок в ванной. К полудню на стойке лежали четыре конверта с обычными металлическими ключами и карточками Wi-Fi. Три — Савельевым, два — Ольге с Арчи, пять — гостям из Твери, четыре — Лебедеву.

Ближе к часу ответил Лебедев: «Выехал. Если без пробок, буду к 20:30». Я отправила ему обновлённую инструкцию по вечернему маршруту. Он прислал значок большого пальца.

Чуть позже пришло сообщение от первой пары:

«Мы уже в Зареченске. Будем примерно через сорок минут. Парковка прямо у ворот?» Я перечитала его дважды и неожиданно поняла, что улыбаюсь.

«Да. Заезжайте через главные ворота, место справа от дорожки. Я встречу». Отправила.

Потом встала за стойку, поправила карточку третьей комнаты и оглядела холл. Дом был готов настолько, насколько вообще может быть готов старый постоялый двор, в котором одна дорога существует на карте, а вторая — только после полуночи. До первых живых гостей оставалось меньше часа.

Глава 4. Четыре заезда

Незадолго до двух выяснилось, что фраза «будем примерно через сорок минут» у людей из Петербурга означает «мы уже поворачиваем к вашим воротам». Я увидела их машину на камере, когда стояла в третьей комнате с запасной наволочкой в руках.

— Рано, — сказала я.

Марина, которая как раз проверяла, закрывается ли окно без усилия, сверилась с часами.

— На девятнадцать минут.

— Для первого дня это почти диверсия.

Она улыбнулась и вернулась к окну. Я бросила наволочку на кресло, спустилась вниз и по дороге успела проверить три вещи: терминал включён, конверт с ключом от третьей комнаты лежит на стойке, Прохора в холле не видно. Последнее не означало, что его там нет.

— Прохор, — тихо сказала я у лестницы. — Первые гости. Давайте без проверки людей на прочность.

Из-за перил донеслось недовольное:

— Я вообще-то умею себя вести.

— Именно поэтому предупреждаю.

Он не ответил. Машина остановилась справа от дорожки, как я и написала. Из неё вышли мужчина и женщина примерно моего возраста. Мужчина первым посмотрел на вывеску, потом на дом и достал телефон.

Я открыла дверь раньше, чем они успели постучать.

— Добрый день. Савельевы?

— Мы, — женщина улыбнулась. — Надеюсь, не слишком рано?

— Нет, комната готова.

Стены не дрогнули, за окнами не появился туман. Два человека с дорожной сумкой и бумажным стаканчиком кофе просто вошли через парадную дверь. Я отступила, пропуская их в холл.

— Добро пожаловать в Воронцов постоялый двор.

Фразу я придумала вчера и дважды произнесла вслух на пустой стойке. Сейчас она прозвучала чуть официальнее, чем хотелось, но Денис Савельев огляделся и сказал:

— Красиво у вас.

Ирина уже рассматривала восстановленные наличники.

— Дом старый?

— Нынешнее здание — с девятнадцатого века. Его несколько раз перестраивали.

— Нынешнее? — переспросил Денис.

Я поняла, что сама выбрала не самое удачное слово для короткого гостиничного разговора.

— До него здесь стоял другой дом. Но это уже местная история, не инструкция по заселению.

Оба рассмеялись. Я проверила паспорта и данные брони, приняла остаток оплаты и протянула белый конверт с ключом. На нём крупно стояла цифра 3.

— Третий номер, второй этаж. Если заказывали завтрак — с восьми до десяти, время на карточке. Wi-Fi там же. Если понадобится что-то ещё, мой номер тоже указан.

Ирина взяла конверт, но не ушла сразу.

— А фотографии на сайте ваши?

— Мои.

— Хорошо снято. Я боялась, что вживую будет темнее.

Я поймала себя на улыбке. Фотографии я делала сама, переставляя лампы, открывая шторы и по десять раз убирая из кадра то удлинитель, то коробку с крепежом. Значит, ожидание совпало с реальностью. Старая гостевая книга лежала закрытой: бронь, оплата и фамилия сами по себе ничего не запустили.

Я показала им комнату, объяснила, где вода и дополнительное одеяло, получила первый вопрос про температуру ночью и первый комплимент ванной. Через несколько минут Савельевы остались распаковываться, а я спустилась вниз.

Мне было приятно. Я сама придумала этот постоянный двор, оплатила ремонт и довела дело до открытия. Два человека заплатили за ночь в моём доме и остались довольны комнатой. На кухне Марина резала яблоко.

— Ну?

— Заселились.

— Я слышала.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Хотела посмотреть, как ты это скажешь.

Я открыла холодильник и переставила бутылку воды, хотя она никому не мешала.

— И как?

— Как человек, который собирается делать это дальше.

Я закрыла дверь.

— Это пока два человека.

— С чего-то начинают.

Она не добавила ничего. Я открыла холодильник и достала воду. Через полчаса Денис Савельев спустился и сообщил, что не может подключить ноутбук к Wi-Fi. Я приготовилась к технической катастрофе, но он вводил пароль от гостевой сети в поле логина. Мы разобрались за минуту.

Потом Ирина спросила, где можно поужинать в Зареченске. Я дала два адреса, которые проверила ещё на прошлой неделе, и отдельно предупредила, что после темноты лучше возвращаться по основной дороге, даже если навигатор предлагает срезать.

— Там ремонт? — спросила она.

— Навигатор на старых дорогах иногда прокладывает странные маршруты. После темноты лучше не экспериментировать.

Этого объяснения оказалось достаточно. К трём часам первый заезд перестал ощущаться событием: наверху жили два человека, пользовались интернетом и время от времени открывали двери. Дом не возражал. Прохор появился на стойке только один раз.

— Мужчина громко ходит.

— Люди вообще производят звуки.

— А женщина поставила чемодан на стул.

— Стул переживёт.

Он покосился на лестницу.

— Они нормальные.

— Это у вас высшая оценка?

— Пока.

— Тогда идите контролировать что-нибудь подальше от гостей.

Прохор исчез. К половине пятого во двор въехала маленькая тёмно-синяя машина. Женщина с Арчи приехала почти точно к заявленному времени.

Сначала из машины показался Арчи. Он оказался меньше, чем я представляла по фотографии: рыжевато-белый шпиц в зелёной шлейке, маленький, пушистый и очень серьёзный. Он спрыгнул на землю, обнюхал край дорожки, поднял голову и посмотрел на окно второго этажа.

Потом из машины вышла хозяйка.

— Добрый день. Я Ольга Романова. А это тот самый проблемный клиент.

— Курица?

— Курица.

— Убрана ещё вчера.

— Тогда он снимает все претензии.

Арчи ничего не снимал. Он внимательно смотрел на крыльцо. Я показала Ольге, где поставить машину. Пока она доставала сумку, пёс дошёл до первой ступени, остановился и тихо фыркнул. На перилах сидел Прохор.

Для Ольги там никого не было. Я посмотрела на домового. Он — на собаку. Арчи сел.

Прохор медленно спустил одну ногу с перил. Собака наклонила голову.

— Он чего? — спросила Ольга.

— Новый дом. Запахов много.

— Обычно он сначала всё облизывает.

— Дайте ему время.

Прохор показал мне кулак. Я отвернулась, чтобы не улыбнуться. В холле Арчи снова нашёл его взглядом. Теперь Прохор стоял возле лестницы и явно пытался понять, почему животное продолжает следить за ним.

— Арчи, не лезь, — сказала я тихо, не сводя глаз с Прохора, пока Ольга доставала паспорт.

— Я не трогаю.

— Да он и не полезет. Сначала должен познакомиться.

За моей спиной Прохор оскорблённо прошептал:

— Ещё чего.

Я сосредоточилась на регистрации. Второй номер находился на том же этаже, но дальше от западной стены. Я выбрала его для Ольги ещё при бронировании: меньше проходов мимо двери, удобнее спускаться с собакой.

— После девяти лучше гулять только по освещённой части двора, — сказала я, показывая комнату. — За дом с западной стороны пока не заходите, там техническая зона.

— Ремонт?

— Частично.

Ольга посмотрела на белую панель в конце коридора.

— Там тоже?

— Там как раз ничего интересного.

Эта фраза почти наверняка гарантировала бы интерес у любого человека, но Арчи потянул хозяйку к миске, которую я поставила возле тумбы, и тема закончилась. Миска была пустой.

Ольга заметила.

— Спасибо.

— Вы предупредили про аллергию. Я решила не экспериментировать.

— В прошлой гостинице ему положили печенье с курицей прямо на подушку.

— Хотели красиво? — спросила я.

— Видимо.

Арчи тем временем обнюхивал пустую миску.

— Тогда хорошо, что я ограничилась пустой миской.

Ольга рассмеялась. Когда я вышла из номера, Прохор ждал возле лестницы.

— Она меня видит.

— Ольга?

— Собака.

— Похоже.

Он выглядел скорее оскорблённым, чем испуганным.

— С чего?

— Не знаю. Но пока просто наблюдаем.

Прохор нахмурился. Арчи высунул морду из двери.

Прохор исчез. Пёс радостно завилял хвостом.

Я решила пока не делать из этого отдельную проблему. В доме впервые за двадцать лет находились обычные постояльцы, моя мать вернулась с Ночного тракта, за стеной существовала запечатанная комната. На этом фоне взаимный интерес домового и шпица вполне мог подождать до завтра.

Ближе к половине шестого приехали гости из Твери. Их было четверо, как в брони, и вещей у них было столько, будто пятый номер собирались арендовать до весны. Наталья Боброва, на чьё имя была бронь, первой извинилась:

— Мы всего до пятницы. К друзьям на семейный праздник. Просто сестра считает, что на двое суток человеку нужны четыре пары обуви.

— Зато когда у тебя промокнут единственные ботинки, ты первая придёшь ко мне, — отозвалась сестра, вытаскивая из багажника ещё одну сумку.

Пятый был самым большим семейным номером: спальня, небольшая гостиная с раскладным диваном и две дополнительные кровати, которые я поставила туда после первой же заявки на четверых взрослых. Именно сейчас выяснилось, что одна из дополнительных кроватей стоит слишком близко к розетке. Кровать стояла безопасно, но пользоваться розеткой рядом с ней было неудобно.

Я переставила её вместе с Натальиным мужем, пока остальные выбирали, кто где спит. Потом обнаружилось, что в ванной только три больших полотенец. Я точно клала четыре.

Марина принесла недостающее раньше, чем я успела спуститься.

— В сушилке осталось, — сказала она мне в коридоре. — Я вчера не донесла.

— Спасибо.

Она кивнула и ушла вниз. Наталья появилась в дверях.

— Это ваша мама?

Вопрос застал меня врасплох гораздо сильнее, чем должен был.

— Да.

— Похожа.

Марина уже спускалась по лестнице.

— Говорят.

Наталья ничего не заметила и спросила, где лучше оставить обувь после прогулки. Через минуту мы обсуждали резиновый коврик у входа. Слово «мама» осталось где-то между нами — одновременно правильное и почти чужое. Я повторила его про себя ещё раз, прежде чем вернуться к разговору про обувь.

К шести все три заселившиеся брони были в комнатах. В доме было семь постояльцев, одна собака, Марина, Аглая, я и Прохор, который в официальную статистику всё равно не помещался. Я стояла за стойкой и смотрела на три отметки «ЗАСЕЛЁН».

Гостевая книга по-прежнему была закрыта.

— Разочарована? — спросила Аглая.

Она ставила чайник.

— Очень счастлива.

— Это была поддержка.

— Запомнить дату?

— Не увлекайся.

Я улыбнулась. В 18:01 в парадную дверь позвонили. Я открыла.

Северин вошёл только после того, как я посмотрела на него и кивнула.

— Восемнадцать ноль одна, — сказал он.

— Я вижу часы.

— Я соблюдаю условия.

— Надо же. Всё по времени.

Он снял пальто. В руках был бумажный пакет.

— Что там?

— Еда.

— Какая?

— Та, которую не нужно готовить.

Я взяла пакет. Внутри оказались пироги из пекарни, два контейнера салата и хлеб. После трёх заселений еда пришлась очень кстати.

— Вы ели? — спросила я.

— Нет.

— Тогда на кухню. Но сначала руки.

Северин поднял бровь.

— Я умею мыть руки.

— Я видела, как вы режете хлеб. Больше ничего не предполагаю.

Он усмехнулся и ушёл к раковине. Марина сидела у окна с кружкой. На его появление отреагировала только коротким кивком.

— Первые гости живы? — спросил Северин.

— И требуют Wi-Fi.

— Значит, всё серьёзно.

— Арчи видит Прохора.

Он остановился.

— Точно?

— Следит за ним глазами и радуется, когда тот исчезает.

Из-за холодильника донеслось:

— Он не радуется.

Северин повернулся к холодильнику.

— Прохор.

— Что?

— Ничего.

— Сегодня от всех сплошная польза.

Домовой появился на краю подоконника.

— Собаки иногда видят больше, чем люди.

Ольга в этот момент прошла по коридору к выходу с Арчи на поводке. Прохор исчез до того, как она открыла дверь на кухню. Пёс остановился в проходе и посмотрел точно на пустой подоконник. Ольга потянула поводок.

— Арчи, идём.

Он не двинулся. Я присела.

— Арчи.

Пёс посмотрел на меня, потом снова на подоконник и наконец пошёл за хозяйкой. Северин проводил их взглядом.

— Пока наблюдаем.

— Именно это я и собиралась делать.

Северин кивнул, и на этом мы оставили Арчи в покое.

Следующий час прошёл по законам работающего постоянного двора: Савельевы вернулись с прогулки и попросили заказать такси на утро, Наталье понадобилась ещё одна подушка, а

Арчи дважды решил, что дверь кухни входит в обязательный маршрут. Незадолго до восьми пришло сообщение от Лебедева. «Задерживаюсь. Буду после девяти. Всё нормально».

Я ответила:

«После темноты держитесь основной дороги. Не сворачивайте на старые съезды, даже если навигатор предлагает короче. Если будет непонятный поворот — остановитесь и позвоните».

Через минуту появилось:

«Понял».

Я показала переписку Северину.

— Этого достаточно, — сказал он.

— Мне не нравится, что он едет так поздно.

— Он пока на обычной дороге.

— Пока?

Северин сверился с часами.

— Я не пугаю. Просто после девяти буду следить за своей стороной внимательнее.

— Если что-то изменится?

— Скажу.

Я убрала телефон. К половине восьмого дом окончательно перестал принадлежать только нам. Сверху работал телевизор. В ванной второго номера шумела вода. Кто-то смеялся в пятом. По лестнице прошёл Денис Савельев, спросил, где выбросить стакан из-под кофе, и через минуту вернулся вверх. Ольга вышла с Арчи во двор и вернулась через десять минут, потому что пёс решил обследовать каждый куст у дорожки.

Я замечала всё это и каждый раз ждала внутреннего сопротивления. Его не было. Дом звучал: телевизор наверху, вода в трубах, чужой смех, просьба дать подушку, вопрос, сколько ехать до вокзала. Ночной тракт никуда не исчезал. Но впервые за месяц ему приходилось делить этот дом с обычной жизнью.

Марина стояла в дверях кухни и тоже слушала.

Она посмотрела наверх.

— Я давно не слышала дом таким.

— Каким?

Марина ответила не сразу.

— Занятым.

— Занятым, — повторила я.

Дом был занят людьми. После восьми я сделала последнюю проверку двора. Свет работал. Главные ворота и задняя калитка были закрыты; камера и звонок работали, а Лебедев знал, что по приезду нужно связаться со мной. Возле ступени ничего не изменилось.

Северин вышел со мной на крыльцо.

— Чувствуешь что-нибудь?

— Порог стабилен.

— А дорога?

Он выглянул за ворота. Асфальт, фонари дальше по улице, редкие машины.

— Пока обычная.

— Хорошо.

— Ты довольна, — сказал он.

— Да. Даже очень.

Он улыбнулся.

— Ты сегодня спокойнее.

— У меня семь постояльцев. Мне некогда паниковать.

— Это не одно и то же.

— Для первого дня достаточно.

Он рассмеялся. Из окна второго этажа кто-то отодвинул штору, и я автоматически сделала полшага от него. Он заметил.

— Репутация?

— Гости не обязаны в первый вечер изучать личную жизнь хозяйки вместе с правилами Wi-Fi.

— Понял.

Мы вернулись внутрь. К половине девятого Лебедев не приехал. Пока это ещё ничего не значило. Минут через пятнадцать я отправила короткое сообщение:

«Как дорога?»

Ответа не было. Северин сидел на кухне с Мариной и Аглаей. Они обсуждали не Порог, а старую котельную, которую Марина почему-то помнила лучше, чем, подозреваю, понравилось бы Николаю Степановичу. Я слышала их голоса из холла и не вмешивалась.

Телефон завибрировал прежде, чем я успела придумать второе сообщение. Лебедев звонил. Я ответила.

— Да, слушаю.

В трубке шумела машина. Потом мужчина сказал:

— Ева Андреевна? Я на Старом Зареченском, как вы написали. Тут один момент.

— Какой?

— Навигатор предлагает повернуть направо. Я здесь раньше ездил. Там никогда не было поворота.

За окном уже было совершенно темно.

— Не поворачивайте, — сказала я. — Остановитесь на обочине, включите аварийку и никуда не выходите.

На кухне замолчали. Северин уже стоял в дверях.

Я подняла ладонь, чтобы он пока ничего не говорил.

— Остановился, — ответил Лебедев.

— Хорошо. Теперь скажите мне, что вы видите перед собой.

Глава 5. После заката

— Свет от фар упирается в поворот, — сказал Лебедев. — Направо уходит асфальт. Узкий, без разметки. Я здесь раз десять ездил, его точно не было.

Я перевела телефон на громкую связь и положила на стойку. Северин подошёл ближе, Марина осталась у двери кухни. Аглая выключила чайник, который только начал закипать.

— Вы стоите на основной дороге? — спросила я.

— Да. На обочине. Аварийка включена.

— Из машины не выходите. Двери заблокируйте.

— Уже. Ева Андреевна, я понимаю, что звучит странно, но там нормальная дорога. Не просёлок. Просто... новая.

— Хорошо. Ничего проверять не надо. Скажите, что ещё видите.

На несколько секунд остался только шум двигателя.

— Фонарь на перекрёстке. Старый, жёлтый. И какой-то столб справа. Каменный, кажется. На нём цифра семь.

Северин вопросительно повернулся к Марине. Та чуть заметно покачала головой.

— На основной дороге есть машины? — спросила я.

— Только что одна прошла. В сторону города.

— Отправьте мне геолокацию.

— Сейчас.

Телефон пискнул. В переписке появилась точка. Я открыла карту. Лебедев находился в шести с половиной километрах от нас, на Старом Зареченском тракте, примерно там, где и должен был находиться. Никакой дороги направо карта не показывала. Только лесополосу и старую заболоченную низину за ней. Я увеличила масштаб.

— Точка у вас не прыгает?

— Нет. Я на месте.

— Хорошо. Оставайтесь там.

Лебедев помолчал.

— А вы кого-нибудь пришлёте?

— Да, — сказала я. — Только сначала хочу понять, откуда к вам безопаснее подъехать.

Северин поднял на меня взгляд. Я кивнула: позже.

— Ладно. У меня почти полный бак и тепло. Не проблема.

— Телефон сколько процентов?

— Сорок восемь.

В динамике ровно шумела печка.

— Зарядка есть?

— Да.

— Подключите. И если что-нибудь изменится — дорога, свет, машина начнёт глохнуть, пропадут другие автомобили — сразу говорите.

— Сразу скажу.

Он ответил без шуток. Я уже собиралась спросить про ближайший дорожный знак, когда из динамика донёсся короткий треск.

— Ева Андреевна?

— Я здесь.

— Фонарь погас.

Марина выпрямилась.

— Какой именно?

— Тот, у поворота. Сейчас... секунду.

Послышался щелчок, будто Лебедев включил дальний свет.

— Столба тоже не вижу.

— Не двигайтесь.

— Я и не...

Связь оборвалась. Я перезвонила. Один длинный гудок, потом механический голос сообщил, что абонент недоступен. Повторный вызов дал тот же результат. На карте его геолокация осталась на прежнем месте. Под точкой появилось: «обновлено минуту назад».

— Он не поворачивал, — сказала я.

— Я слышал, — ответил Северин.

— Тогда куда он делся?

— Пока никуда. Одной потери связи мало.

Марина подошла к стойке и склонилась над картой.

— Каменный столб с семёркой был на старой дороге?

— Был, — сказал Северин. — Но не там.

— Где?

— Ближе к западной развилке. До нынешней трассы от него километра три.

Я увеличила точку Лебедева.

— Значит, он видел вещь с Тракта, стоя на обычной дороге.

— Или участок дорог на несколько минут наложился, — сказала Марина.

— Это уже происходило?

Марина задумалась.

— Со мной — нет. Я видела последствия один раз, ещё до твоего рождения. Машина ушла не туда и вернулась утром в двадцати километрах от места, где свернула.

— Люди?

— Живы. Думали, что заблудились в тумане.

— Тумана сейчас нет.

— Значит, туман тут ни при чём.

Северин уже надевал пальто.

— Я поеду к его точке с обычной стороны. Если дороги там нет, проверю границу дальше.

— Один?

— Сначала да. Так быстрее.

Мне это не нравилось. Но уехать вместе с ним и оставить в доме семь постояльцев было хуже.

— Если придётся идти на Тракт, сначала скажете.

— Скажу.

— Не «если успею».

Северин застегнул пальто.

— Сначала скажу.

Я взяла со стойки запасной внешний аккумулятор и протянула ему.

— Телефон заряжен?

— Да.

— Возьмите аккумулятор всё равно.

Он убрал аккумулятор в карман без спора. Марина посмотрела сначала на меня, потом на него.

— Я останусь здесь, — сказала она. — Если дорога действительно начала накладываться, Хозяйка должна быть в доме.

— Я и не собиралась уезжать.

Северин вышел. Через минуту на камере я увидела его машину, потом красные огни исчезли за воротами. Наверху кто-то засмеялся.

Гостиничный вечер продолжался, хотя в шести километрах отсюда только что исчез человек.

Через несколько минут Лебедев всё ещё был недоступен. Я позвонила трижды с интервалом в несколько минут, потом перестала: если телефон снова поймает сеть, мои вызовы отобразятся. Почти сразу спустилась Ирина Савельева.

— Простите, у вас чай можно где-нибудь сделать?

Я не сразу поняла, что она спрашивает про чай.

— Конечно. В комнате есть чайник, а если нужен нормальный чай — на кухне тоже можно.

— Нормальный, — серьёзно сказала она. — Муж купил на заправке пакетики, которые пахнут картоном.

Я показала ей полку с чаем. Ирина выбрала чёрный с бергамотом, спросила, можно ли взять две чашки наверх, и ушла. Через пять минут Наталья Боброва написала, что у них не включается один прикроватный светильник. Я поднялась в пятый номер, обнаружила выдернутую из розетки вилку и вернула свет за три секунды.

— Неловко, — сказала Наталья.

— Для первого дня мне даже приятно, что проблема решается розеткой.

Наталья улыбнулась. Я тоже. На лестнице меня ждал Прохор.

— Человек не приехал.

— Я заметила.

— Дом тоже.

Я остановилась.

— Что значит «тоже»?

Прохор пожал плечами.

— Комната пустая.

— Она и должна быть пустая, пока Лебедев не заселился.

— Знаю.

— Тогда что не так?

Он нахмурился, подбирая слова.

— Как будто место для него уже есть.

Мне не понравилось ни одно слово в этой фразе.

— В гостевой книге?

— Нет.

— Где?

Прохор показал рукой вокруг.

— В доме.

— Это бронь. Я приготовила четвёртую комнату, конверт с ключом, полотенца. Конечно, место есть.

— Может быть.

— Прохор.

— По-другому не умею.

Я не стала вытягивать из него более точное объяснение.

— Если почувствуете что-то ещё, сразу ко мне.

— Я и пришёл.

— Тогда спасибо.

Прохор подозрительно прищурился, будто благодарность нарушала наши правила общения, и исчез. Внизу Марина стояла возле закрытой гостевой книги.

— Не открывала, — сказала она раньше, чем я спросила.

— И не надо.

— Согласна.

Я проверила время.

— Раньше дом чувствовал человека до того, как тот приходил?

— Иногда. Если гость уже был на дороге к нему.

— К нему — это к дому или на Тракте?

— Вот этого я не знаю.

Марина пожала плечами.

Через полчаса плохой связью происходящее уже не объяснялось. Я набрала 112. Про Ночной тракт, каменный столб и дорогу, которой нет на карте, оператору знать было незачем. Для обычного мира хватало фактов: мужчина остановился на обочине Старого Зареченского тракта, прислал точку, связь оборвалась и после этого он недоступен.

Оператор уточнила марку и номер машины, направление движения и не было ли у Лебедева проблем со здоровьем. Я ответила на всё, что знала. Бронь помогла хотя бы здесь: в карте были телефон, полное имя и данные автомобиля, которые он указал для парковки.

— Передадим ближайшему экипажу, — сказала женщина. — Если он выйдет на связь или приедет к вам, обязательно сообщите.

— Сообщу.

Я записала время звонка. Марина наблюдала молча.

— Что? — спросила я.

— Хорошо, что позвонила.

— Был вариант не звонить?

— Раньше мы иногда слишком быстро решали, что странное обязательно относится к Тракту.

— И?

— И однажды полдня искали человека не там. Он сломал ногу в овраге в двух километрах отсюда.

Я поднялась в четвёртый номер. Кровать была застелена, полотенца лежали на полке, на столе стояла бутылка воды. Конверт с ключом всё ещё ждал внизу. Комната выглядела так, будто её хозяин задерживается на полчаса.

Я поправила край покрывала и разозлилась на себя. Покрывало ничего не решало. Но закрыть номер, убрать ключ или отменить бронь означало бы почему-то согласиться, что Лебедев уже не приедет. Я выключила верхний свет и оставила лампу у кровати. Телефон завибрировал — Северин. Я ответила.

— Нашли?

— Машину — нет. Поворота тоже нет.

На фоне слышался ветер.

— Геолокация?

— Стою точно в той точке, которую он прислал. Здесь обычная обочина. Справа канава и деревья. Следов съезда нет.

— Он сказал, что не двигался.

— Я верю.

Я крепче сжала телефон.

— Что дальше?

— Пройду границу отсюда и посмотрю со своей стороны. Сначала говорю тебе, как обещаю.

— Сколько времени?

— Полчаса. Если ничего не найду — вернусь к дому. Не хочу оставлять участок без Хранителя дольше.

— Полчаса. Потом возвращайся.

Марина услышала всё.

— И Северин.

— Да?

— Не приводите его через внутренний проход.

Короткая пауза.

— Запрет всё равно действует.

— Я знаю. Просто говорю вслух.

— Не приведу.

Мы отключились.

Позже перезвонили из дежурной части. Машину на указанном участке не нашли. Проехали в обе стороны до ближайших съездов — на обочине никого, следов аварии тоже нет. Я поблагодарила и сказала, что сообщу, если Лебедев появится. Теперь сомнений почти не осталось: в точке, откуда он звонил, машины не было ни для Северина, ни для патруля.

Марина села за стол.

— Хороший запрет.

— Мне тоже нравится.

— Он тебе его предложил?

— Право на него — да. Сам запрет поставила я.

— Ещё лучше.

К одиннадцати постоялый двор постепенно затих. Савельевы вернулись в номер. В пятом перестали ходить из комнаты в комнату. Ольга вывела Арчи во двор в последний раз и строго выполнила просьбу не уходить дальше освещённой дорожки. Пёс снова увидел Прохора возле крыльца. На этот раз не завилял. Встал рядом с Ольгой и смотрел в темноту за воротами, пока она не потянула поводок.

— Что там? — спросила Ольга.

Арчи тихо гавкнул, и я вышла на крыльцо.

— Всё нормально?

— Да. Наверное. Он с вечера какой-то внимательный.

— Новый дом, новые запахи.

Ответ был тем же, что днём, и всё ещё оставался правдой хотя бы наполовину. Ольга пожелала спокойной ночи и увела собаку внутрь. Прохор появился рядом со мной, когда дверь закрылась.

— Он не на меня смотрел.

— Я поняла.

— За воротами кто-то был.

Под фонарём было пусто. Дальше начинались соседние дома и поворот к трассе.

— Кто?

— Не знаю.

Я достала телефон. От Лебедева ничего. Северин вернулся ближе к полуночи. Машину я услышала раньше, чем увидела её на камере. Он вошёл через парадную дверь, снял пальто и только потом сказал:

— След нашёл. Его — нет.

Марина вышла из кухни.

— Какой след?

— Шины. На моей стороне дороги.

— Машина прошла на Тракт? — спросила я.

— Похоже на то.

— Хотя он не сворачивал.

— Значит, в этот раз свернула дорога, а не водитель.

Спорить было нечем.

— Куда ведут следы?

— В сторону дома. Потом пропадают у старой развилки.

Марина подняла голову.

— У какой?

— Западной.

Оба на секунду замолчали.

— Той самой? — спросила я.

— Да, — ответил Северин. — Где раньше стоял столб с семёркой.

Теперь описание Лебедева совпадало с местом, которое знал Северин.

— Почему следы пропали?

— Дорога там нестабильна. Я не стал идти дальше один. Мы договорились.

Последние три слова он добавил мне, а не Марине. Я кивнула.

Позже я ещё раз проверила, что автомобильные ворота и калитка закрыты. Звонок работал, а если Лебедев всё-таки доберётся обычной дорогой, несколько секунд у ворот он переживёт. Парадная дверь осталась заперта изнутри на завертку.

— Если он придёт по Тракту, — сказала я, — правило трёх ударов сработает?

Марина посмотрела на гостевую книгу.

— Если дом признает его гостем — да.

— Он живой.

— Правило не говорит, что гость обязан быть мёртвым.

Я знала это по Вере. Но Вера попала к дому уже на границе смерти. Лебедев четыре часа назад сидел в тёплой машине и жаловался на навигатор. Северин проверил часы.

— До 00:13 ещё сорок минут.

— А если придёт раньше?

— Впускаешь как обычного постояльца, если уверена, что это он.

— А если в 00:13?

Северин не ответил сразу.

— Тогда сначала посмотрим, что именно пришло.

Мы разошлись по обычным делам. Я проверила камеры, поставила телефон на зарядку и ещё раз прошла по первому этажу. Марина убрала с кухни чашки. Аглая ушла в маленькую комнату возле кладовой и сказала разбудить её, если «дорога решит проявить характер». Северин остался в холле.

Незадолго до полуночи я получила сообщение от Савельевой:

«Извините за поздний вопрос. Завтрак точно с 8? Нам выезжать рано». Я ответила, что могу оставить им термос и бутерброды к 7:15.

Она прислала благодарность и смайлик. Пока я отвечала Савельевой, напряжение на несколько минут отпустило. Люди наверху рассчитывали утром получить завтрак. Лебедев рассчитывал получить четвёртую комнату. Я обещала и то и другое. Поэтому дом должен был остаться гостиницей, даже если одна из дорог решила вспомнить старые привычки.

В 00:07 свет на крыльце мигнул. Я подняла глаза: один раз, больше ничего.

— Видел? — спросила я.

— Да.

Северин подошёл к окну, но не вплотную.

В 00:09 камера у ворот на секунду покрылась серыми полосами. Когда изображение вернулось, перед воротами ничего не было.

В 00:11 Прохор появился на лестнице.

— Идёт.

— Кто?

— Не знаю.

Сегодня «не знаю» звучало всё хуже. Я встала за стойкой. Марина вышла из кухни и остановилась у стены, оставляя проход к двери свободным.

В 00:12 снаружи послышался негромкий звук двигателя. Автомобиль подъехал к воротам и остановился. Я открыла камеру.

На экране стоял тёмный седан Лебедева. Фары горели. Водительская дверь открылась. Мужчина вышел из машины в куртке, оглянулся на дорогу и посмотрел на телефон. Потом позвонил у калитки. Я сверила лицо с фотографией из профиля бронирования: мужчина около сорока, короткие тёмные волосы, очки, та же куртка. Только после этого открыла калитку дистанционно.

Лебедев дошёл до крыльца и нажал кнопку звонка. В доме ничего не прозвучало. Нажал ещё раз — тишина.

— Звонок работает, — тихо сказала я.

Я проверяла его сегодня утром. Лебедев нахмурился, убрал руку от кнопки и постучал в дверь — три раза. В ту же секунду на часах сменились цифры: 00:13.

В холле было слышно только двигатель снаружи. Я подошла к двери и посмотрела в глазок. Тот же человек стоял на крыльце, растирая ладони. За его спиной была моя дорожка, мой двор и тёмная машина за воротами.

— Михаил Лебедев? — спросила я через дверь.

Он повернулся к голосу.

— Да. Ева Андреевна? Извините, что так поздно. У вас тут связь пропала вообще намертво.

Голос был тот же.

— Сколько вы ехали после нашего разговора?

— Минут двадцать пять, наверное. Может, полчаса. Потом навигатор ожил уже возле Зареченска.

Я ещё раз сверилась с часами. Для нас прошло три часа пятнадцать минут. Для него — около получаса.

— А который сейчас час у вас на телефоне?

За дверью помолчали.

— Ноль тринадцать, — сказал Лебедев. — Вот это странно. В машине было...

Он замолчал.

— Что?

— Двадцать один тридцать с чем-то. Я подумал, часы сбились.

Северин стоял в нескольких шагах от меня, Марина — дальше, у стены. Я вспомнила первое бабушкино письмо. Если после 00:13 в парадную дверь постучат три раза — открой. Тогда я представляла ночного гостя кем угодно. Не мужчиной с оплаченной бронью, чемоданом в багажнике и тремя потерянными часами на телефоне.

— Вы замёрзли? — спросила я.

— Немного. Но всё нормально.

По его ответам было ясно: он и сам не понимал, что с ним произошло. Он был жив, приехал ко мне на ночлег и стоял на моём крыльце. Я положила ладонь на замок.

Глава 6. Живая запись

Я повернула замок.

Дверь открылась легко, без задержки. Лебедев стоял на крыльце, засунув руки в карманы куртки. Он посмотрел на меня, потом через плечо на машину, будто всё ещё пытался понять, куда делись несколько часов между знакомым поворотом и нашим крыльцом.

— Проходите.

Лебедев переступил порог.

Под полом отозвался короткий глухой толчок. Не сильнее тех, к которым я успела привыкнуть за последний месяц, но в этот раз его почувствовала не только я. Лебедев тоже остановился.

— Это что было?

— Старый дом, — сказала я.

Северин за моей спиной ничего не прокомментировал. Марина тоже. Оба смотрели на стойку.

Гостевая книга, до этого закрытая, раскрылась сама.

Лебедев стоял к ней боком и снимал очки, протирая запотевшие стёкла. Я обошла стойку раньше, чем он успел заметить движение страниц.

На чистом листе проступали буквы.

МИХАИЛ ЛЕБЕДЕВ.

ПРИНЯТ.

Чернила остановились. Потом появилась ещё одна строка.

ДОРОГА НЕ ЗАВЕРШЕНА.

За весь день книга не шевельнулась ни на одного из семерых живых постояльцев. Для Лебедева она открылась сама.

Марина тихо втянула воздух. Я закрыла книгу ладонью.

— Всё в порядке? — спросил Лебедев.

— Сейчас разберёмся.

— Обнадеживает.

Он надел очки и оглядел холл. Тёплый свет, стойка, лестница, кресла у окна. За стеной тихо работал холодильник. Наверху кто-то прошёл по коридору и закрыл дверь. Всё вокруг по-прежнему выглядело как обычная гостиница.

— Машина снаружи, — сказал Лебедев. — Я чемодан заберу.

Он повернулся к двери.

— Нет.

— В смысле?

— До утра лучше не выходить.

Несколько секунд он ждал продолжения.

— Ева Андреевна, у меня там вещи. И зубная щётка.

— Щётку дам. Зарядку тоже, если нужна. Чемодан переживёт ночь.

— А я почему должен ночевать без своих вещей?

Я вышла из-за стойки.

— Потому что после нашего разговора для вас прошло около получаса, а для нас больше трёх часов. Полиция проехала тот участок и не нашла ни вас, ни машину. Северин был там же. Тоже ничего. Потом вы приехали с другой стороны дороги, хотя не сворачивали.

Лебедев перестал тянуться к ручке.

— С другой стороны — это как?

— Пока не могу это нормально объяснить. Но причин попросить вас сегодня больше никуда не ехать и не выходить за ворота уже достаточно.

Он повернулся к Северину.

— А вы кто?

— Северин Чернов.

— Тот, кто ездил меня искать?

— Да.

— И тоже считаете, что мне нельзя к машине?

— До рассвета — да.

Лебедев снова перевёл взгляд на меня. Теперь в нём было не раздражение, а настороженность.

— Вы оба сейчас серьёзно?

— Да.

Он достал телефон. Экран показывал 00:17. Лебедев открыл историю вызовов, потом карту, снова часы. Проверил настройки автоматического времени.

— Телефон сам выставляет время по сети.

— Сейчас сеть появилась?

Он проверил индикатор сети.

— Wi-Fi вижу. Мобильной почти нет.

— Wi-Fi пароль на карточке в комнате.

Лебедев коротко рассмеялся.

— Хорошо. Это, пожалуй, самая нормальная информация за последние пять минут.

— Пользуйтесь, пока есть.

Я набрала дежурную часть и сообщила, что пропавший постоялец приехал сам, жив, на самочувствие не жалуется и скорую не просит. Лебедев подтвердил своё имя и сказал в трубку, что заблудился. На слове «заблудился» он посмотрел на меня, но спорить с формулировкой не стал.

После звонка Лебедев заметно успокоился.

— Голова не болит? — спросила я. — Тошнота, слабость, провалы в памяти?

— Нет. Холодно было, когда вышел из машины, а так нормально.

— Если что-то изменится, вызываем скорую.

— У вас все постояльцы проходят такой медосмотр?

— Только те, которых три часа ищет полиция.

Он принял ответ без улыбки. Потом снова открыл карту. Последняя точка, которую телефон успел записать до пропажи связи, стояла у старого тракта, следующая — уже возле обычной трассы. Между ними приложение соединяло путь прямой серой линией через место, где на карте не было дороги.

— Вот здесь я свернул, — сказал Лебедев и увеличил экран. — По крайней мере, думал, что свернул. Потом минут десять ехал по этой узкой дороге. Я всё ждал, что навигатор перестроится. А он сначала показывал, что я еду по полю, потом вообще потерял дорогу.

— Столб с семёркой где был?

— Перед вторым поворотом. Потом фонарь погас. Я вам сказал, связь оборвалась, и почти сразу впереди появилась развилка. Левая дорога выглядела хуже, правая — нормальная. Я поехал по правой.

Северин подошёл ближе.

— После развилки что-нибудь изменилось?

Лебедев задумался.

— Лес стал ближе к дороге. И тише было. Совсем. Даже шины почти не слышал. Я решил, асфальт новый. Потом увидел свет впереди, выехал к трассе, и навигатор снова заговорил. Сказал, что до гостиницы двенадцать минут.

— А по ощущениям сколько прошло от нашего звонка до трассы? — спросила я.

— Полчаса максимум. Может, меньше.

Он покрутил телефон в руке.

— Я не пил. Ничего не принимал. Если вы об этом.

— Я не об этом.

— Полиция спросит.

— Наверняка.

Лебедев больше не оправдывался. Перечислял факты, которые сам не мог связать.

— Мне всё-таки хотелось бы понять, где я был, — сказал он.

— Мне тоже.

— Там была дорога. Настоящая. Асфальт, фонарь, столб. Потом обычное шоссе. Я не ехал по лесу и не терял сознание.

— Я вам верю.

Он нахмурился, словно ожидал другого ответа.

— Просто верите?

— Сегодня да.

Марина отошла от стены и поставила на стойку чашку.

— Вам чай или кофе?

Лебедев заметно расслабился: наконец ему задали вопрос из понятного мира.

— Чай. Если можно крепкий.

— Можно.

Она ушла на кухню.

Я достала из нижнего ящика одноразовый набор с зубной щёткой, маленькую пасту и новую расчёску. Покупая коробку таких наборов неделю назад, я представляла забывчивых туристов, а не мужчину, которому нельзя подойти к собственной машине из-за Ночного тракта. Но назначение у вещей от этого не менялось.

— Вот. Полотенца в комнате. Халатов пока нет, предупреждаю сразу.

— Переживу.

— Телефон зарядить?

— У меня семьдесят процентов.

— Тогда хорошо.

Лебедев взял набор и посмотрел на закрытую дверь.

— А машина точно останется там до утра?

— На камере она есть. Ворота закрыты. Если что-то изменится, я увижу.

Северин подошёл к монитору и вывел камеру ворот на весь экран. Тёмный седан стоял под фонарём именно там, где Лебедев его оставил.

— Хотите, запишу номер? — спросила я.

— Я его помню.

— Тогда просто проверим утром.

Марина вернулась с чаем и тарелкой бутербродов. Лебедев сначала отказался от еды, потом всё-таки взял один. Пока он ел, дом оставался тихим. Никаких ударов из стен, самопроизвольно открывающихся дверей и прочих способов окончательно испортить человеку первое впечатление от гостиницы.

Когда он немного отогрелся, я всё-таки вернулась к обычной части заселения: попросила паспорт, сверила данные с бронью и только после этого потянулась за конвертом с ключом.

Гостевая книга под моей ладонью больше не двигалась.

— Вам четвёртая комната, — сказала я. — Она уже готова.

— Это та, которую я бронировал?

— Да.

— Хотя что-то совпало.

Я взяла конверт с ключом.

— И ещё одна просьба. До утра не выходите из дома. Если понадобится что-нибудь из машины — подождите. Если ночью услышите в коридоре голос, который зовёт вас, сначала позвоните мне.

Лебедев медленно опустил чашку.

— Простите?

— Я понимаю, как это звучит.

— Не уверен.

Лебедев посмотрел на лестницу, потом на входную дверь, словно пытался понять, какую часть инструкции считать шуткой.

— Тогда проще: сегодня ночью не выходите проверять странные звуки и не открывайте незнакомые двери. Если что-то услышите — сначала звоните мне. Телефон у вас есть, мой номер тоже.

— А пожар?

— При пожарной тревоге забываете все мои ночные запреты и выходите по плану эвакуации. Пожар — исключение.

— То есть план эвакуации всё ещё сильнее мистики?

— Я слова «мистика» не произносила.

— Зато очень старательно описали её инструкцией по технике безопасности.

Северин отвернулся к окну. По плечам было видно, что он улыбается.

— Хорошо, — сказал Лебедев. — Сегодня я выполняю странные правила гостиницы. Утром вы мне рассказываете, что это было.

— Расскажу всё, что к утру пойму сама.

— Договорились.

Я проводила его наверх. Коридор выглядел спокойно. Под дверью Савельевых не было света, в пятом номере тихо работал телевизор. Арчи один раз гавкнул, когда мы проходили мимо, и тут же замолчал.

Лебедев остановился у четвёртой комнаты.

— Собака?

— Шпиц.

— А я уже подумал, сторожевой пёс.

— Он старается.

Я открыла комнату и включила свет. Лампа у кровати всё ещё горела — та самая, которую я оставила, когда Лебедев считался пропавшим. Он бросил взгляд на застеленную постель, бутылку воды, полотенца и поставил чай на стол.

— Хорошо у вас.

Я задержалась на секунду.

— Спасибо.

— Первый день работаете?

— Первый.

— Насыщенно.

— Есть такое.

Он сел на край кресла и снова посмотрел на телефон.

— Я домой напишу, что добрался. Там уже решили, наверное, что я в канаве.

— Напишите. Только если будете объяснять про три часа, не рассчитывайте, что я дам вам готовую версию.

— Пока скажу, что связь пропала и я заблудился. Это хотя бы наполовину правда.

Он набрал короткое сообщение. Ответ пришёл почти сразу. Лебедев прочитал, выдохнул и убрал телефон экраном вниз. На секунду он снова стал просто человеком, которого дома ждали и ругали за то, что не позвонил вовремя.

— Завтра мне в девять на встречу, — сказал он. — Я, видимо, уже никуда не успеваю?

— После рассвета посмотрим на дорогу и решим. Если понадобится, помогу перенести встречу.

— У вас в стоимость номера входит секретарь?

— Нет. Это компенсация за отсутствие чемодана.

Он наконец улыбнулся.

Он снял куртку и повесил её в шкаф.

— До утра из дома не выхожу, голоса игнорирую, при пожаре иду по плану эвакуации.

Ещё что-то?

Я подумала о бабушкином правиле после полуночи не произносить своё полное имя.

— Если кто-то спросит ночью, как вас полностью зовут, не отвечайте.

Лебедев посмотрел на меня поверх очков.

— Это уже совсем интересно.

— Поэтому лучше просто поверьте до утра.

— Ладно. Михаилом можно?

— Михаилом можно.

Я оставила дверь открытой ровно настолько, чтобы он сам решил, закрывать её или нет, и спустилась вниз.

Гостевая книга ждала раскрытой.

Марина стояла рядом, но не касалась страниц. Аглая уже пришла из маленькой комнаты возле кладовой; на ней был халат поверх ночной рубашки и выражение человека, которого разбудили ради действительно веской причины, но он всё равно намерен потом предъявить счёт.

— Показывай, — сказала она.

Я развернула книгу к свету.

МИХАИЛ ЛЕБЕДЕВ.

ПРИНЯТ.

ДОРОГА НЕ ЗАВЕРШЕНА.

Ни строки о плате. Запись обрывалась на незавершённой дороге.

— А плата? — спросила я.

Марина покачала головой.

— Если книга не требует, не придумывай ей требование. Он не пришёл сюда как мёртвый или как ночной гость с Тракта. Он живой человек, которого дорога привела не туда.

— То есть наша задача — не дать дороге увести его дальше, а вернуть на обычную сторону.

— Именно.

Аглая надела очки.

— Давно не видела.

— Вы видели такое? — спросила я.

— Не эту запись. Такое бывало.

— Живой пришёл по ночной дороге.

— Значит, живой уже под крышей, а для дороги его путь всё ещё не закончен.

— Вот поэтому это и плохо.

Она принесла потрёпанную тетрадь правил и открыла старую запись:

«Если живой пришёл ночной дорогой, держи под кровлей до первого света. Не давай ему самому выбирать выход».

Аглая пояснила только то, что помнила уверенно: наружная дверь, калитка, задний ход и ворота точно считались выходами; с внутренними было сложнее.

Марина повернула голову к западной части дома.

— Раньше для таких случаев была дорожная.

Комната восемь.

Я закрыла тетрадь.

— Она закрыта.

— Значит, до рассвета ничего не меняем, — сказала Марина.

— Ты сама такое видела?

Марина на секунду задумалась.

— Один раз. Мне было семнадцать. Мужчина шёл пешком из соседнего села и пришёл к нам ночью со стороны старой дороги. Был уверен, что срезал километра два. По часам дома его не было почти шесть часов.

— И что с ним сделали?

— Накормили, уложили в комнате рядом с лестницей и до рассвета не выпускали. Он дважды пытался выйти покурить. Второй раз мама просто спрятала его ботинки.

Аглая фыркнула.

— Практичная была женщина.

— Это сработало?

— Утром он ушёл по обычной дороге. Потом приезжал ещё раз, днём. Ничего странного не произошло.

— Значит, рассвет действительно что-то меняет.

— Тогда изменил. Больше я таких случаев не видела.

— А если Михаил выйдет раньше?

Аглая пожала плечами.

— Может ничего не случиться. Может снова попасть на тот же участок. Может дорога закончит путь там, где считает правильным.

— А остальные гости?

— Они добрались по обычной дороге, — сказал Северин. — Пока причин считать их такими же нет.

— «Пока» мне особенно понравилось.

Я открыла планшет с завтрашними заездами. После обеда ожидалось ещё двое, один — ближе к вечеру. Отменить новые заезды было можно, но это не решало сегодняшнюю проблему: люди, которые уже спали наверху, никуда не исчезали вместе с бронями. Поздние приезды я всё равно решила временно ограничить.

— Завтрашние поздние заезды перенесу на светлое время, — сказала я. — Кто не может — предложу другую дату или возврат; до заката въезд только по основной дороге, без объездов и «коротких маршрутов».

Марина открыла рот, потом только кивнула.

— Хотела предложить то же самое. Хорошо, что ты сама решила.

— Получается.

— Приходится.

Я вернулась к планшету и поставила себе напоминание утром написать гостям.

— Люблю ваши точные формулировки, — сказала я, закрывая расписание.

— Я тебе никогда не обещала справочник, — ответила Аглая.

Северин всё это время стоял возле окна. Теперь он повернулся.

— До рассвета я останусь внизу. Если он спустится, услышу.

— Я тоже не собираюсь спать.

— Ты утром кормишь восемь человек завтраком.

— Знаю.

— Поэтому хотя бы пару часов поспишь.

Я уже собиралась возразить, но он протянул мне кружку. Чай. Я не заметила, когда он успел налить.

— Это не приказ, — сказал Северин.

— Знаю.

Я взяла кружку и на секунду прислонилась плечом к его руке. Северин не пошевелился, только чуть повернул ладонь, чтобы коснуться моих пальцев.

Марина увидела. Ничего не сказала и отвернулась к гостевой книге.

На странице появилась новая строка.

ДО ПЕРВОГО СВЕТА.

— Хоть одно правило подтвердилось, — сказала я.

Проходчик возник у лестницы.

— Сегодня вы мне особенно нужны, — сказала я.

— Уже не нравится начало.

— Посматривайте за вторым этажом. Если Лебедев выйдет из комнаты или там появится что-то, чего быть не должно, сразу скажите.

— Я домовый, а не ночной администратор.

— Сегодня у нас совмещение должностей.

Проходчик посмотрел на меня, на Северина, на гостевую книгу и вздохнул так, будто именно он один содержал этот постоянный двор последние сто пятьдесят лет.

— Он не спит.

— Михаил?

— Ходит по комнате.

— Это пока разрешено.

Проходчик посмотрел вверх.

— Не только он.

Я поставила кружку.

— Кто ещё?

— Не знаю. На втором этаже кто-то прошёл до западной стены и обратно.

Северин уже направился к лестнице. Я пошла рядом.

Телефон в кармане завибрировал раньше, чем мы дошли до первой ступени.

Михаил Лебедев.

Я ответила.

— Да?

Он говорил тихо.

— Ева Андреевна, вы просили звонить, если кто-то будет звать.

Я остановилась.

— Да.

— Тогда поднимитесь, пожалуйста.

— Что случилось?

Пауза была короткой.

— В коридоре женщина. Я её не вижу. Она только что назвала меня полным именем.

Глава 7. До рассвета

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.